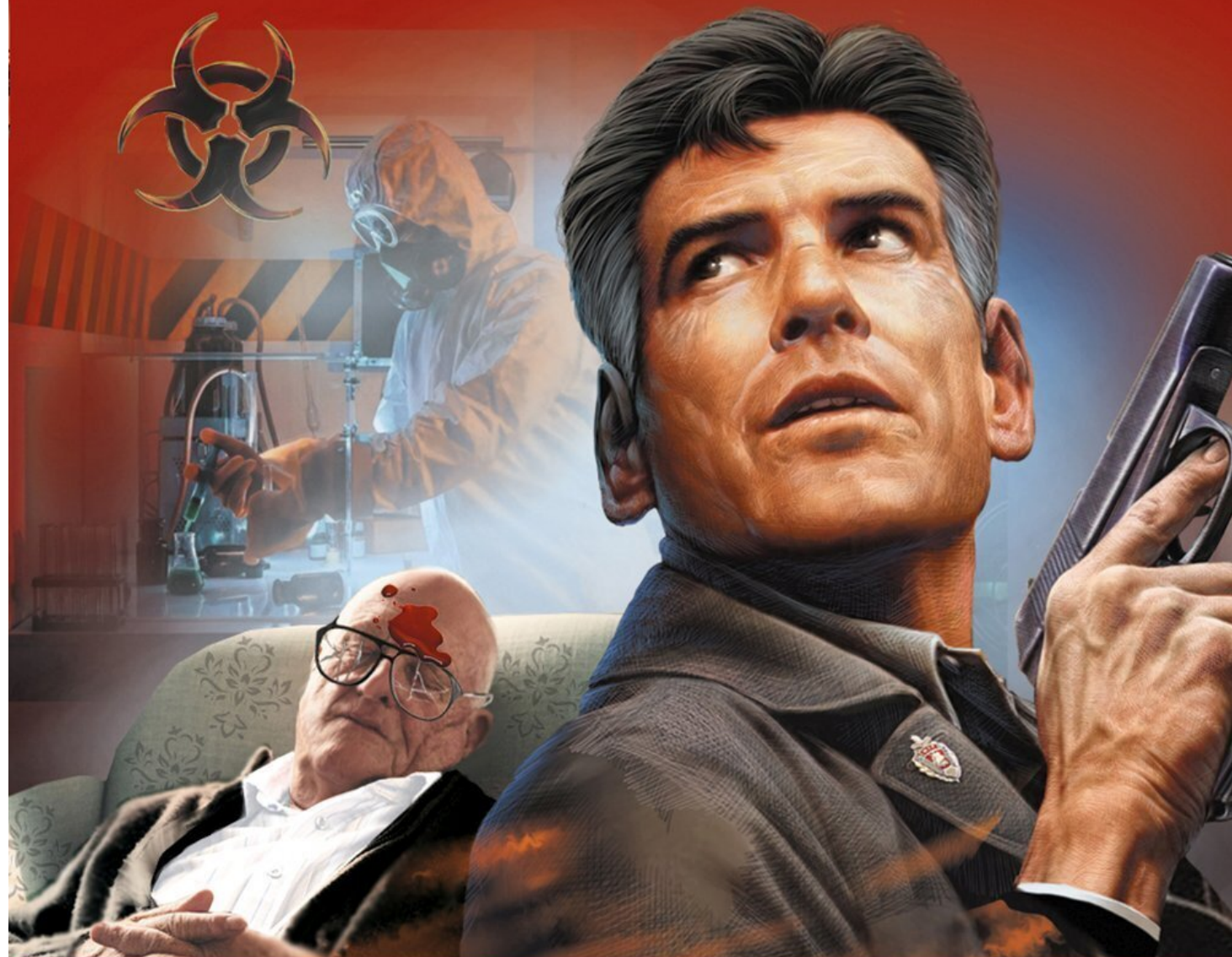

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Последняя тайна
профессора**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Последняя тайна профессора

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Последняя тайна профессора / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2022 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-172039-1

Еще одна книга легендарного тандема Леонов — Макеев. Смерть известного ученого-биолога Святослава Семигорова стала для научного мира настоящим потрясением. Вдова уверена, что ученого убили, иначе как объяснить, что абсолютно здоровый человек скоропостижно умер дома, сидя перед телевизором, в ожидании ужина... Полковники МВД Гуров и Крячко выдвигают различные версии — от бытовых до уголовных, но ни одна из них не находит подтверждения. Страшная причина трагедии раскрывается только после того, как сыщикам удастся взломать пароль на личном ноутбуке Семигорова... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга — это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров — сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он — настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172039-1

© Леонов Н. И., 2022

© Эксмо, 2022

Николай Леонов, Алексей Макеев

Последняя тайна профессора

© Макеев А. В., 2022

Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

«...Берб Орнх напрягся и поднял перед собой свой нейтринный дематериализатор и начал целиться, и потом напряженным движением указательного пальца он сильно нажал на гладкую, пластмассовую клавишу «Огонь». В тот же миг дематериализатор загудел, и из его вольфрамового сопла вырвалась невидимая глазу струя мелких, крохотульных частичек, которые несли в себе невероятную мощь, которая имела энергию, чтобы распылить все и вся в пыль и прах. Эта энергия в момент насквозь прошла гигантского, черного сатурнианского скорпиона, который уже щелкал челюстями и готовился напасть на землян, которые посмели вторгнуться в его владения, чтобы ими завладеть. Она обратила прямо-таки в ничто большую часть тысячетонной хитиновой туши инопланетного монстра, которая вздулась и оглушительно затрещала, начала лопаться и расплзаться. Чудовище вмиг лишилось всей своей правой половины туши и рухнуло на правый бок, раздавив свои же собственные внутренности, которые вывалились из его располовиненного энергией брюха. Над Серебряной долиной, которая и была владениями скорпиона, где он и властвовал долгое время, разнесся протяжный, хриплый вой монстра, который сопровождали предсмертные биения его ног. Еще через секунду все было со скорпионом кончено. Скорпион был мертв. А путь к спасению был открыт. Поэтому земляне быстро запрыгнули в свой вездеход и помчались к выходу из ущелья...»

Дойдя до этого места, старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска, полковник Лев Гуров, усмехнулся и, сказав: «Да-а-а-а!», небрежно, со стуком, бросил на стол фолиант в яркой глянцевой обложке, на которой значилось: Афанасий Боронюгин «Тайна созвездия Смерти». Ну, блин, и сочиняшка! Это в какой же школе он учился, этот Боронюгин, и какие отметки получал по русскому и литературе, если пишет так коряво, дубово-безграмотно?!

– О, ты заинтересовался авантюрной фантастикой? – выглянув из спальни, с ноткой иронии в голосе поинтересовалась жена Гурова Мария.

Поморщившись, Гуров насмешливо взглянул на жену и отмахнулся.

– Радость моя, – с той же долей иронии парировал он, – поинтересоваться – это не значит увлечься. Тут не тебе, а мне уместнее было бы спросить: что это за «бестселлер» и где именно тебе удалось его «откопать»? Берусь предположить, что вместо «всяких там» Шекспиров и Чеховых у вас намечается театральная постановка на тему покорения иных миров по литературному «шедевр» Афанасия Боронюгина. Кстати, что-то не припомню этого «громкого» имени... Кто он и откуда?

Мария Строева, прима ведущего театра столицы, на это лишь огорченно вздохнула. Чуть конфузливо пояснила, что «бестселлер» ей, по сути, навязала их «худручка», муж которой с некоторых пор возомнил себя то ли Эдмондом Гамильтоном, то ли Артуром Кларком. Написав свою многостраничную хохму, он издал ее за свой счет, правда, ограниченным тиражом, зато в самом лучшем полиграфическом исполнении. Причем с цветными иллюстрациями, которые по его заказу исполнил опытный художник-иллюстратор.

– ...Ну, понимаешь, пристала она ко мне, как... В общем, говоря народным языком, как банный лист к... Корме. Дескать, вы, Мария Леонидовна, личность известная, уважаемая, к вашему мнению прислушиваются многие. Прочтите этот роман и дайте на него свою рецензию. Знаешь, еле осилила первую главу. Что могу сказать об этом «великом творении»? Графомания во всей своей «красе» и «мощи». Дать положительную рецензию на этот бред – выше моих сил. Но и обижать Нину Боронюгину как-то неудобно – уж, сколько лет мы с ней знакомы...

Даже не знаю, как мне быть? Как ей объяснить, что это не фантастика, а бездарная галиматья, бред и немыслимая чушь?!!

– Вопрос, конечно, интересный... – сочувственно обронил Лев, отправляясь на кухню. – А для чего ему нужна твоя рецензия?

– Для чего... – Строева, поморщившись, вздохнула. – Все для того же – чтобы прославиться, чтобы навязать свою писанину какому-нибудь издательству и чтобы ее издали миллионными тиражами. Похоже, он мечтает о лаврах Джоан Роулинг с ее Гарри Поттером. Нина мне рассказывала, что один раз ее Афанасия книгоиздатели уже отфутболили. Но Боронюгин решил дожать издателей громкими именами. В частности, моим. Вот, как мне отделаться от этой «сладкой парочки»?

– Да-а-а, ситуация, однако! Ладно, может быть, что-нибудь придумаем... – пообещал Гуров. – Я – завтракать.

– Не забудь про заливную рыбу! Вчера специально для тебя ее готовила! – напомнила Мария.

Гуров с трудом удержался, чтобы не выдать вслух ставшую уже классикой фразу из «Иронии судьбы»: «Какая же гадость, эта ваша заливная рыба!» Но лишь улыбнулся – заливную рыбу Мария готовила великолепно, на уровне повара из хорошего ресторана. Так что юмор в духе его лучшего друга Стаса Крячко (уж, тот бы обязательно прикололся насчет заливной рыбы!) в данном случае был совершенно неуместен.

Лев включил на кухне телевизор и, орудуя вилкой, стал обдумывать свои текущие дела. А их навалилось... Уймища! С учетом того, что все эти «подарки судьбы» не осилить и за остаток недели (пусть сегодня и вторник), нужно было четко распределить по степени значимости намеченные на сегодня-завтра дела. Краем уха слушая информсообщения, Гуров вдруг вспомнил свой вчерашний разговор с представителем министерства, который проводил в их главке плановую проверку. Генерал-полковник Большанский высказал свои претензии по многим замеченным им, как он считал, недостаткам, а также попенял Льву и его напарнику, полковнику Станиславу Крячко, за их отрицательные черты характера. Например, за то, что оба они неуправляемые, склонные к отступлению от служебных инструкций, на что Гуров резонно поинтересовался: а что важнее? Результативность работы или формально-показушная «управляемость»? И, вообще, что понимает вышестоящий «товарисч» под «управляемостью»? Тот, услышав (в своем, генеральском понимании) излишне занозистый пассаж со стороны «какого-то» полковника, тем не менее ничего не ответил и, что-то буркнув, быстро удалился.

...Неожиданно течение мысли перебило сообщение диктора о чьей-то кончине. Взяв пульт и, «отмотав» новостную ленту назад, Лев включил повтор и услышал сообщение о том, что минувшим вечером у себя дома, на восемьдесят пятом году жизни, скончался академик Семигоров, крупный ученый-биолог. Покойный являлся создателем и руководителем лаборатории, изучающей влияние всевозможных факторов (физических, химических, биологических, в частности, геомагнитных излучений) на геном человека, животных и одноклеточных существ. Врачи «Скорой», прибывшие на вызов, установили, что причиной смерти стал обширный инфаркт.

Гуров сразу же вспомнил, что об академике Семигорове он уже как-то читал статью на каком-то интернет-сайте. Да и на ТВ Семигорова около месяца назад показывали в одной из актуально-познавательных телепередач. Насколько запомнилось Льву, об ученом его учениками говорилось много хорошего, как о, безусловно, талантливом исследователе и просто хорошем человеке.

Закончив с завтраком и поднимаясь из-за стола, Гуров с невольной грустью мысленно отметил, что российская наука в лице академика в который уже раз теряет одного из своих выдающихся представителей. Да, конечно, академику было восемьдесят четыре – возраст не маленький. Но... Всего один такой человек стоил сотен и тысяч пустопорожных прожигателей

жизни, этих двуногих «однодневок», от которых пользы – ни стране, ни обществу, ни им самим. Кто заметит уход такого человека?

А вот такие люди, как Семигоров, способные рождать идеи, которые могут перевернуть весь мир – явление в природе, к сожалению, нечастое. И их уход становится настоящей драмой для очень многих людей, сообществ и даже целых стран. Их уход порой выливается в крупномасштабные катастрофы для науки, экономики и социальной сферы. Вот, лет пятьдесят с лишним назад не стало главного советского ракетчика, и сразу же ощутимо затормозилось развитие нашей космонавтики. А проживи он еще лет тридцать-сорок, и – кто знает? – может быть, еще в семидесятые наши парни оставили бы свои следы на пыльных тропинках общеизвестной покровительницы магов и влюбленных – Луны...

«О! А что это вдруг меня потянуло на космические философствования? – Гуров неожиданно поймал себя на не вполне свойственных сыщику размышлениях. – С чего бы это вдруг? А-а-а... Понял, понял, понял! Влез в бредо-фэнтези самодеятельного романиста-графомана и проникся этой тематикой. Черт! Как бы самого на сочинительство не потянуло! Говорят, это явление заразное... Кстати! А как же и в самом-то деле Марии «отбрыкаться» от «худручки» Боронюгиной с «бестселлером» ее муженька? Вот уж действительно «подогнала» она мороки и головной боли, устроила «битву умов» на голом месте...»

Выйдя в гостиную, он увидел Марию, которая, наморщив лоб, с мученическим видом листала боронюгинский «шедевр». С трудом сдерживая сочувственный смех, он вышел из квартиры и начал спускаться по лестнице. Отчего-то опять вспомнилось сообщение о кончине академика Семигорова. Лев мысленно представил себе, как много людей, знавших ученого, сегодня испытают боль и сожаление по поводу его ухода. Что там сказал диктор о причине смерти? Обширный инфаркт? Хотелось бы знать, что могло его спровоцировать. Какой-то сильный стресс из-за семейных проблем? Перегрузки на работе? Трения с начальством?... Увы, природа не заложила в человека тройного запаса прочности, который позволил бы ему дожить до ста с лишним, а то и двухсот лет...

Неожиданно в кармане запиликал телефон, выдавая мелодию детской песенки о друге: если с другом вышел в путь, если с другом вышел в путь, веселей до-ро-га... Это означало, что звонит Стас Крячко. Голос Станислава звучал бодро и жизнерадостно:

– Лева, привет! Как ты там? Петруха еще не звонил?

– Привет! Петруха не звонил. А что, он должен был позвонить? – уточнил Гуров.

– Ну-у... Так... Вчерашний проверяющий вроде бы нами остался недоволен. Так же? Скорее всего, Петрухе он «накапал» на мозги. А у Петрухи – ты это и сам хорошо знаешь! – реакция, малость, с «тормозом». У него ж так: если с вечера нервы ему кто-то потреплет, то взорвется он утром – не раньше.

– А если проверяющий «капать» не стал? А? А вдруг он мужик дельный и толковый? – немного поерничав вслух, Лев мысленно согласился со Стасом, что Большанский «накапать» может вполне – уж очень старательно он вчера буквоедствовал, придираясь к каждой мелочи.

Ну а в том, что Петруха с его подачи взорвется «как триста тонн тротила» – можно быть уверенным, и к гадалке не ходи! Начальник главка угрозыска генерал-лейтенант Орлов был человеком болезненно принципиальным. Для него престиж его «конторы» был высшим мериллом ценностей. Когда кто-то из сотрудников главка допускал нечто, идущее вразрез с общепринятыми нормами морали, Петр Орлов рвал и метал. В такие минуты к нему лучше было не приближаться. Даже самым близким друзьям, таким, как, например, полковники Гуров и Крячко. Хотя... Кстати, именно эти двое и могли уговорить «вышедшего из берегов» генерала. Лишь они знали, как именно урезонить и призвать своего друга Петруху к душевному равновесию.

На предположение Гурова о том, что Большанский вообще-то мог и не «зарядить» Орлова избытком негатива, Крячко ответил лишь саркастическим смехом и, бросив в мобильник:

– Увидимся! – отключил связь.

Уже выходя из подъезда во двор, Гуров услышал доносящуюся из кармана хорошо знакомую бессмертную мелодию: «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, лучше профессии я вам, сеньоры, не назову!..» Это был рингтон, извещающий о желании пообщаться с ним его непосредственного «босса» и одновременно старого приятеля, начальника главка угрозыска, генерал-лейтенанта Петра Орлова. Судя по голосу, Петр (или, как его меж собой именовали Лев со Станиславом – Петруха) был чем-то весьма озадачен. Обменявшись приветствиями, Орлов тягостно вздохнул и известил:

– Тут, Лева, понимаешь ли, дело «нарисовалось»... М-м-м... Без преувеличения, очень и очень значимое. Но и, я бы так сказал, чрезвычайно каверзное...

«Опа! – мысленно удивился Гуров, ожидавший заочных упреков в отсутствии должного уровня начальствопочитания к заезжим проверяющим. – Вот это «сюрприз»! Это что же, он нам собирается новое дело «подогнать»? А что будем делать с теми завалами, что уже накопились?..»

Да-а-а, в главке никогда не заскучаешь! Тут – как всегда: чуть что – свистать всех наверх, латать пробоины и штопать паруса! Атас, пацаны! Все, уже намеченные дела можно отправить в общеизвестный «долгий ящик» и засучить рукава в предвкушении форс-мажорного «нежданчика». И что же это за «подарок судьбы» им выпал?

Вздыхая и кряхтя, Петр пояснил, что ему буквально минут пять назад позвонил первый зам Самого, который и дал ценное указание: взяться за расследование причин смерти академика Семигорова.

– Кого? Семигорова?! – ошарашенно переспросил Лев, дивясь тому, как все неожиданно совпало: только что он услышал об академике по ТВ, и уже – вот оно, готово внеочередное задание. – О его смерти только что рассказали в столичных новостях. Обалдеть! И что же в его смерти такого криминального?

– О нем уже рассказывали в утренних новостях? – теперь удивился и Орлов. – Ну и ну! Быстро работают наши СМИ! Пропустил. Надо будет включить свой телик. Кстати, Лева, что-нибудь говорили о причинах случившегося? Диагноз, заключение медиков озвучивали?

– Да, врачи «Скорой» установили у Семигорова обширный инфаркт, – пояснил Гуров. – Пытались его реанимировать, но он умер. Так, в чем там закавыка-то?

– Понимаешь, по словам зама, ему ни свет ни заря позвонила вдова умершего. Где уж она раздобыла его телефон – я не знаю. Но она уверена в том, что ее мужа чем-то отравили. – Петр сделал многозначительную паузу. – Ну да, человек он был в годах, уже девятый десяток шел. Но, как утверждает вдова, он вряд ли мог умереть по естественным причинам. Вроде бы усопший придерживался здорового образа жизни, занимался спортом, спиртным не злоупотреблял... Да, он и сам был твердо уверен в том, что доживет до ста лет. Кстати, по словам вдовы, академик в этом году проходил плановую диспансеризацию, и врачи дали заключение, что его биологический возраст не превышает пятидесяти лет. Такие вот дела. Так что, Лева, отказы от этого расследования не принимаются – это приказ министерства. Работать будете на пару со Стасом. Приедешь в контору – зайди ко мне.

– Слушай, может, спросонья никак не «въеду»: в чем же кроется каверза, раз уж ты считаешь, что дело такое замороженное? – без намека на энтузиазм осведомился Гуров. – Что в нем «не так»?

– А в том, Лева, что это дело – заведомый «глухарь»... – сочувственно произнес Орлов. – Никаких зацепок, никаких фактов, никаких улик. Ни-че-го! Одни предположения.

– Лады-ы-ы... – поморщившись, нехотя согласился Лев и поспешил спросить: – Кстати, Петро, а вчерашний проверяющий на нас со Стасом много «собак навешал»?

– А-а-а... Проверяющий? Нет, можно сказать, ни одной. Сделал несколько мелких, формальных замечаний и сказал, что вашей работой вполне доволен. А что такое? – несколько насторожился Орлов.

– Да, нам со Стасом подумалось, что он, как раз наоборот, нами остался очень недоволен. Мы уж думали, что «кренделей» нам подсыпят с большим запасом. Надо же, как можно ошибиться в человеке...

– Нет, нет, Большанский мужик стоящий, не из фанфаронов и не из пустозвонов! – убежденно проговорил Петр.

– Это радует... Хорошо, сейчас уже выезжаю, скоро буду у тебя, – пообещал Лев, услышав гудки с параллельной линии. – Да, слушаю! – обронил он, подключаясь к новому разговору.

– Ну что, Лева, Петруха все же позвонил? – азартно произнес Крячко. – Дал команду ехать к нему? Мозги здорово клевал?

Известие о том, что проверяющий на них не «капал», Стаса очень удивило. А вот то, что прямо сейчас им подкинут (вернее, уже «подогнали») «блатную работенку», весьма огорчило.

– Ой, Лева-а-а, чую, подкинули нам даже не «глухаря», а «глухарище»! – досадливо посетовал он. – Ла-а-адно, едем на свою «любимую голгофу»...

– Стас, у меня тоже к тебе вопрос! – поспешил спросить Гуров, пока тот не отключил связь. – А что это ты сегодня так рано подхватился? По-нормальному-то, ты сейчас еще должен бы был смотреть утренние сны! Что, Лида слишком громко храпела или в ее квартире клопы завелись?

Издав конфузливое «гм!», Крячко буркнул, что с Лидой он расстался еще неделю назад, по обычной, можно сказать, банальной причине ухода большинства его любовниц – вступление в законный брак с каким-то коммерсантом. А его нынешнюю пассию зовут Светой. Света вообще не храпит, клопов в ее квартире никогда не было, а вот ее любимый котяра Бином (она преподаватель математики, отсюда и такая необычная кличка) такая «сво»! В пять утра начал орать как резаный, требуя к себе внимания и хорошей порции кошачьего корма.

– Ну и какой после этого сон? – вопросительно резюмировал Стас. – Вот теперь и думаю: стоит ли со Светкой контактировать и дальше?

– Стоит, стоит! – подходя к своему «Пежо», авторитетно посоветовал Лев. – Благодаря коту Биному теперь ты даже раньше меня будешь прибывать на работу. Так что...

– Да ну тебя! – сердито буркнул Крячко, отключая связь.

Подъезжая к парковке главка, Гуров увидел красующийся на ней «Мерседес» Стаса Крячко (модель как бы не шестидесятых годов, но отгламуренный и оттюнингованный на славу). Припарковавшись рядом, Лев вышел из кабины и, поставив машину на охранную сигнализацию, направился к крыльцу своей «конторы». Неожиданно его окликнул знакомый голос. Оглянувшись, Гуров увидел Станислава, появившегося из-за угла.

– О! А ты откуда? – Лев окинул приятеля недоумевающим взглядом.

– Да бегал в круглосуточную харчевню – она тут неподалеку, подкрепился на скорую руку. А то от Светки уходил, есть вроде бы не хотелось. А как только сюда приехал, сразу же почувал голод, можно сказать, зверский... Что, топаем прямо к Петрухе?

– Да, идем к нему. Похоже, дружище, работенку нам втюхали и в самом деле как в той русской народной сказке: пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что... – Гуров вздохнул, как бы мысленно оценив тот громадный пласт проблем, который им предстоит перевернуть. – Сейчас в дороге обдумывал, что и как с академиком могло случиться. Но версий, даже черновых, пока что никаких... Ноль!

– А ты хочешь сказать, что мы уже согласились взяться за это дело? – с сомнением прищурился Крячко.

– Разумеется! – Лев чуть заметно усмехнулся. – Приказ отдал первый зам Самого. Думаю, днем и Сам скажет то же самое. Так что в данной ситуации единственное, что мы можем сделать – взять под козырек и сказать: «Есть!»

– Ну, ты меня обрадовал! – поднимаясь на крыльцо, саркастично хохотнул Стас. – От счастья ног под собой не чую!

Обсуждая те или иные нюансы еще не начатого расследования и попутно обмениваясь колкостями, приятели ввалились в приемную Орлова. Бессменная секретарша начальника главка Верочка, только что пришедшая на работу, сидя за своим рабочим столом, с кокетливым видом поправляла макияж. Не отрываясь от зеркальца, она ответила на приветствие оперов и кивком указала на дверь кабинета своего босса. Не меняя выражения лица, Верочка лаконично сообщила, что генерал их уже ждет.

Орлов, нахмутив лоб и заложив руки за спину, расхаживал взад-вперед по кабинету с выражением глубокой задумчивости на лице. Обронив не слишком оптимистичным тоном «Доброе утро!» в ответ на приветствие оперов, Петр взглядом указал им на гостевые кресла. Переглянувшись (эк Петруху торкнуло!), Гуров и Крячко заняли предложенные им места и молча воззрились на своего приятеля-начальника. Тот, тоже плюхнувшись на свое место, хмуро объявил:

– На расследование причин смерти академика Семигорова нам дают не более пяти дней. За это время вы обязаны установить абсолютно точно: была ли его смерть обусловленной какими-то естественными причинами или ему и в самом деле «помог» преставиться кто-то посторонний. Скажу сразу: ни улик, ни зацепок, даже самых дохлых – ни одной. Вам, по сути, на голом месте придется разработать версию, содержащую все положенные доводы и выводы, досконально изучить все возможные – как предполагаемые, так и реальные – причины наступления смерти. А через пять дней я обязан положить на стол Самого ваше аргументированное заключение о том, что же случилось с Семиговым. Вот так, орлы вы наши зоркоглазые...

Выражая недоумение, Крячко помотал головой и, размашисто хлопнув себя ладонями по коленкам, с сарказмом рассмеялся.

– За пять дней «раскрутить» такого, изначально дохлого «глухаря»?! – подавшись в сторону Орлова, язвительно спросил он. – Тогда, уважаемый, тебе надо не нас с Левого напрягать, а обратиться в новый магический салон «Завеса тайны». Это недалеко от нас, на улице Охотской. Его буквально на днях открыли. Говорят, там такие проницательные ведьмочки работают! Все насквозь видят. Да и сами вроде бы очень даже недурны собой... Кстати, хозяйка салона – бывшая участница «Битвы экстрасенсов».

– Да, Стас, именно за пять дней! – проигнорировав пассаж о «недурных ведьмочках», отчеканил Петр. – Кстати, изначально приказ был – расследовать за три дня. Но я добился увеличения срока до пяти дней. Так что нам, можно сказать, пошли навстречу.

– Слушай, у меня вопрос: а почему вокруг кончины этого – не сомневаюсь ни на йоту! – выдающегося ученого начался такой вселенский ажиотаж? – Гуров изучающе взглянул на приятеля-начальника. – Он не приходится близким родственником кому-то из наших первых лиц? Нет, в самом деле! Думаю, случись что-то похожее с «шишкой» даже министерского ранга, то и тогда нас не ставили бы в такие жесткие рамки сроков расследования. Что думаешь по этому поводу?

Глубоко вздохнув, Орлов сцепил пальцы рук и понимающе покачал головой:

– Видишь ли, Лева, Семигоров – человек и в самом деле непростой. Нет, он не родственник кому-то из очень больших персон. Но то, что он делал для биологической безопасности страны, не менее важно, чем, скажем, создание космических вооружений. Представьте себе! Человек он был очень скромный, красоваться на ТВ не любил. Но он, скажем так, был «главной скрипкой» в системе противодействия проникновению на нашу территорию наиболее опасных болезней и потенциально опасных биологических объектов. Благодаря академику уже не раз

был предотвращен завоз в Россию очень опасных живых существ – и насекомых, и земноводных, и пресмыкающихся, и рыб, и еще хрен знает чего. Пока вы ехали, я заглянул на новостные телеканалы. О причинах смерти Семигорова – сплошная разногласица. Уже вынырнули какие-то «эксперты», которые несут всякую ахинею. Одни, как говорится, «за здоровье», другие – «за упокой»...

– Хм-м-м... Кстати, Петро, а много таких в природе – ядовитых, злых и вредных, которых к нам сюда тащат? – подбоченившись, поинтересовался Станислав.

– Полно! – Петр изобразил рукой широкий, размашистый жест. – Вот мне рассказали, что год назад наши санитарные службы задержали одного контрабандиста, промышлявшего ввозом в Россию всяких «экзотов», с грузом каких-то особых лягушек. Обратились к Семигорову, хотя это не совсем его сфера, и он сразу же установил, что эта живность для нашей природы представляет огромную опасность. Эти земноводные водятся в болотах Юго-Восточной Азии. Они мелкие, на вид очень красивые – изумрудных и голубых оттенков. Но невероятно ядовитые. К тому же размножаются с фантастической скоростью. Если эту мерзость запустить в наши водоемы, то через несколько лет начался бы массовый мор рыбы и водоплавающих. Там у этих лягушек есть естественные враги, которые не дают им размножаться в геометрической прогрессии. А у нас-то их нет! И таких случаев было немало.

– Да, с этими «экзотами» – как с ума посходили! – хмуро отметил Лев. – Помните, я рассказывал, как в нашем доме от одного такого недоумка сбежал удав, и эту змеюку, спасая свою семью, зарубил его сосед по подъезду? Так тот змеелюб чуть не убил самого этого мужика. Пришлось мне вмешиваться. Во, была история!

– Да, я помню, был такой случай. – Орлов в знак согласия кивнул. – Было, было... Ну а возвращаясь к вопросу о его смерти, я вполне допускаю, что Семигорова и в самом деле могли убить. И, если учесть то, что, несмотря на свои годы, академик реально обладал завидным здоровьем, с этим предположением трудно не согласиться. Я хорошо понимаю его супругу, которая вполне обоснованно заподозрила, что покойный отправился в мир иной в силу чьих-то злонамеренных действий. Например, его могли «заказать» мафиозные структуры зоо-контрабандистов, которым он сильно мешал проворачивать их «бизнес-проекты».

– Ну вообще-то – да, мысль дельная, – согласился Гуров. – Надо будет эту версию отработать. Но я допускаю, что тут могли иметь место и какие-то другие причины. Например, материальные. Надо полагать, академик был человеком не бедным? А у него наверняка есть какие-то – хоть дальние, хоть близкие, с очень шаткими моральными устоями родственники, которые способны на какие-то нехорошие действия. Верно? Так что этот момент тоже со счетов сбрасывать не стоит.

– Возможно, возможно... Да, нельзя исключать и того, что причины случившегося и в самом деле более чем банальны, и смерть Семигорова – следствие чьей-то зависти, чьего-то злопыхательства... Но в любом случае именно это вам и надо установить: какова конкретно причина смерти, и если она насильственная, то кто виноват. Так что приступайте! Будем на связи. Можете звонить мне в любой момент, когда появится такая необходимость. И вообще, постоянно держите меня в курсе дела.

...Войдя в свой рабочий кабинет, Гуров первым делом включил компьютер и набрал в поисковой системе запрос: «Академик Семигоров, СМИ о причинах его кончины». Немного порыскав по открывшимся заголовкам материалов и бегло проглядев некоторые из них, он сдержанно резюмировал:

– Хрень с морковенью.

– Что, ничего дельного? – роясь в ящике своего стола, осведомился Станислав.

– Ну да-а-а... – с досадой в голосе откликнулся Лев, выключая компьютер. – Есть несколько статей о прижизненных исследованиях его лаборатории, дальше – публикации о каких-то других Семигоровых. Уже вброшено энное число «аналитических» статей о его

смерти. В них – ничего конкретного, одни переливания из пустого в порожнее. Дельной информации никакой, сплошь – общие слова. Есть одно маленькое, дежурное официальное сообщение Минздрава. Ну, о том, что причиной смерти стал инфаркт – это мы и так уже знаем. Так что придется нам на первых порах обходиться одним лишь «подножным кормом». А что ты там все ищешь?

– Да-а... Свой диктофон. – Крячко отчего-то поморщился. – Я его, случается, с собой беру на всякий «пожарный». Ну, если вдруг услышал что-то очень важное от свидетелей или подозреваемых, а нет возможности услышанное сразу же быстро записать в блокнот. В такой ситуации – сам понимаешь: без диктофона – как без рук. Но вот что-то его никак не найду!..

– Загляни в платяной шкаф. Там, на полке для фуражек, я как-то видел какой-то гаджет. Не он ли это? – сдержав зевок (сон у него сегодня отчего-то был беспокойный, поэтому ощущался недосып), Лев кивнул в сторону двухстворчатого шкафа в углу кабинета.

Распахнув дверцы и заглянув в шкаф, Стас с ликованием объявил:

– А-а-а, вот он! Видимо, его я туда механически положил. Сейчас батарейки вставлю, и он будет готов к труду и обороне. И с чего же мы начнем свои труды? Надо сказать, у меня отчего-то такое предчувствие, что этот «глухарь» крови из нас выпьет не один литр.

– Да, допускаю, что подобное вполне может случиться. Но! Как бы там ни было – замороженный этот случай или не замороженный, но именно мы обязаны разобраться с ним до конца. Иного не дано. Кстати! Если мы вдруг не справимся и дело передадут другим, то я тут же подам в отставку. Да, да, да! Уйду немедленно.

– Да будет тебе, Лева! К чему такой пессимизм?! – ошарашенный этим демаршем, Крячко замахал руками. – Как это: мы – не справимся? Это ты зря-а-а... Подобное попросту невысказано. Если эту задачку мы не осилим, то тогда – кто?! Кому еще она может быть по плечу? Нет-нет, все будет о'кей!

– Ну хорошо! – Лев одобрительно усмехнулся. – О'кей так о'кей. Поскольку у нас жуткий дефицит информации и о самом усопшем, и тем более о последних днях его жизни, никаких версий стряпать пока не будем.

– Само собой! – кивнул Стас. – На первом месте стоит опрос всякого и каждого, кто хоть что-то знает о нем. Что, делим направления?

В течение минуты без лишних споров распределив, кто из них и с кем работает, приятели заперли кабинет и отправились в путь по столичным просторам. Сколько раз такое было! Не счесть. И, как всякое новое дело, оно в конечном счете оказывалось похожим на уйму предыдущих. Это стало почти уже каким-то дежавю, когда непредвиденные обстоятельства их непростой службы в лице генерал-лейтенанта Орлова в очередной раз подбрасывали им «крепкий орешек» чего-то очень запутанного, противоречивого и даже замороженного. Конечно, приятели без намека на восторг довольно часто «отбрыкивались» от все новых и новых «подарков судьбы», презентованных их приятелем-начальником Петрухой. Однако тот с не меньшим рвением, как говорится, не мытьем, так катаньем, всякий раз добивался того, что его приятели-подчиненные, все же, несмотря на все свое недовольство, тем не менее засучив рукава брались расколоть очередной «орешек». Работая напряженно и с выдумкой, приятели успешно извлекали из «скорлупы» всевозможных фактов «ядрышко» истины и завершали дело. Но, кто бы знал, каких трудов и каких нервов всякий раз им это стоило!..

Вон, лет восемь назад Петруха уломал приятелей взяться за похожего «глухаря». История была замороженной до предела. Случилось так, что один крупный коммерсант, некто Мигачев, ранее не жаловавшийся на здоровье, вечером лег спать в свою собственную постель, а утром его разбудить уже не смогли, ибо он во сне отчего-то умер. Врачи, проводившие вскрытие, установили, что умер коммерсант от остановки сердца. А вот отчего остановилось сердце, лекари однозначного ответа дать не смогли. Кто-то считал, что это произошло из-за расстройства психики. Стоило бы отметить, что данное суждение было не лишено оснований – согласно

медицинской статистике, почти половина людей, умерших от остановки сердца во время сна, страдала расстройствами психики. Кто-то из врачей видел причину смерти в астме. Кто-то даже в гастрите...

Гурову и Крячко, на которых взвалили этого «глухаря», пришлось в какой-то мере осваивать медицинскую теорию и практику сердечных болезней. Порывшись в интернет-материалах, они узнали, что люди, которые страдают от остановки сердца во сне, пусть даже и на несколько секунд, храпят. Утром такие люди испытывают головные боли, отсутствие бодрости, снижение работоспособности, раздражительность, ухудшение памяти. А еще (на что особое внимание обратил Стас) у таких граждан замечается снижение либидо и даже импотенция.

Пообщавшись с близкими родственниками усопшего, Лев и Станислав выяснили, что тот во сне ужасно храпел. По утрам он жаловался и на слабость, и на головные боли, и на провалы в памяти. А еще с какого-то времени Мигачев очень даже заметно охладел к женщинам. Он перестал общаться со всеми своими пятью любовницами, не говоря уже о случайных ухажерках, каковых у него всегда было в избытке. Короче говоря, как мужик он «сдулся».

И снова опера взялись за эскулапов, добываясь от них однозначного ответа: так что же конкретно поставило заключительную точку на жизненном пути Мигачева? Что? Атеросклеротический кардиосклероз? Ишемия и воспалительный процесс миокарда? Непроходимость сосудов из-за эмболии или тромбоза?.. За время расследования этого дела приятели сами прошли нехилый ликбез по кардиологии. Наиболее реальную причину остановки сердца они видели в острой кислородной недостаточности, связанной с нарушением дыхания. А еще гиперкальцемию – именно на этом факторе уж очень настаивал Станислав.

Но все эти версии перечеркнуло суждение старого кардиолога, который за свою жизнь на сердечных недугах, как сказал он сам, «собаку съел». Именно он подсказал операм возможный вариант того, как была спровоцирована остановка сердца Мигачева – сильный удар электрическим током, пережитый им незадолго до того, как сердце вдруг «забастовало» во время сна.

И tandem Гуров – Крячко с новыми силами вновь начал искать возможные варианты того, где и как Мигачев мог получить роковой удар электротоком, который менее чем через сутки привел к его смерти. И они нашли живого свидетеля, который видел, где, когда и как это произошло. Уборщица офиса Мигачева по большому секрету рассказала Льву, что днем, предшествующим смерти босса, того и в самом деле ударило током. Случилось так, что в тот момент, когда женщина убиралась в кабинете Мигачева, тот откуда-то примчался чем-то то ли разозленный, то ли раздосадованный. Достав из кармана связку ключей, он с ходу сунул нужный ключ в скважину замка сейфа и в тот же миг, вскрикнув, упал на пол. Испуганная увиденным, техническая сотрудница офиса поспешила поднять своего босса и усадить его в кресло.

В течение последующей пары секунд, пока испуганная женщина набирала номер «Скорой», Мигачев пришел в себя и, будучи личностью довольно-таки авторитарной, приказал не вызывать «Скорую». Вроде того, он жив, а потому нечего разводить панику. Впрочем, будучи человеком отзывчивым, пообещал уборщице выписать вознаграждение в размере ее зарплаты. А окончательно придя в себя, решил разобраться с тем, что же произошло. Он спросил уборщицу, протирала ли та в процессе уборки пыль с сейфа. Женщина подтвердила, что протирала. Но поскольку имеет обыкновение трудиться в защитных пластиковых перчатках, то, понятное дело, никакой ток ей был не страшен.

Вызванный в кабинет рабочий по зданию – мужчина пенсионных лет из разряда мастеров на все руки, сразу же определил, что сейф попал под напряжение в результате загадочной перестановки некоторых предметов кабинетной обстановки. Не так давно вышедшая из строя настольная лампа, которую убрали со стола в шкаф с бумагами, неким загадочным образом оказалась стоящей на сейфе. При этом ее штепсель был включен в розетку, а не менее загадочным образом протертый до металлических жил шнур касался угла сейфа.

Мигачев сразу же заподозрил, что все эти «случайности» неспроста. Но решил разобраться с происходящим самостоятельно, без полиции. А потому о случившемся приказал молчать и уборщице, и рабочему. Однако провести задуманное разбирательство ему не удалось по весьма серьезной причине: неожиданно для всех (и прежде всего для самого себя!) той же ночью он расстался с этим хоть и коварным, но таким прекрасным миром...

Гуров тут же встретился с рабочим по зданию и уточнил у того до мелочей, каким образом и кто именно мог бы переставить лампу из шкафа на сейф, кто и как мог оголить токонесящий провод и воткнуть штепсель в розетку... В условиях строжайшей секретности опера в течение дня побеседовали со всеми работниками офиса, причем с каждым отдельно от всех прочих, да еще и строго конфиденциально. И узнали много интересного! Внезапно выяснилось, что не только Мигачев, реализуя на практике свой необузданный интимный темперамент, то и дело наставлял жене рога. Увы, рога она ему наставляла тоже, и не менее активно. И не с кем-нибудь, а с его замом и по совместительству закадычным другом. При этом (о времена, о нравы!) они оба не знали о том, что красотка-секретарша Яночка безотказно привечала их обоих. И при этом каждый из них был уверен в том, что именно он – ее единственный любовник, и именно он лишил юную очаровательницу невинности (при современном развитии интим-технологий подобный фокус доступен всякой леди, от самых юных до самых преклонных лет).

Набрав большой объем информации, опера взялись за «тихую контору» весьма плотно и жестко. Теперь оба были уверены в том, что смерть Мигачева – не просто так, а следствие хитрого заговора самых близких ему людей. Гуров нашел повод встретиться с женой зама Мигачева, а Стас встретился с «безутешной вдовой». Когда обе дамы узнали о существовании юного «яблока раздора», которому дарили благосклонность и сам босс, и его зам, их откровенности не было границ. А потому уже вечером того же дня покаянные показания давал зам Мигачева. Правда, он упирал на то, что содеянное им было пусть и очень жесткой, но тем не менее шуточной. Суд это учел, и стараниями адвокатов (да, может быть, и чего-то хрустяще-шуршащего) «шутник» отделался условным сроком.

...И вот очередная шарада с неопределенно-мутными обстоятельствами загадочной кончины известного человека. Стас, не очень-то любивший беседовать с безутешными вдовами и прочими скорбящими родственниками очередной жертвы криминала, взял на себя Лабораторию геоинформационной генетики (ЛГГ), располагавшуюся в новом семиэтажном здании футуристической архитектуры, на улице Полевой. Туда он прибыл менее чем за полчаса, прорвавшись через пару стихийных пробок. Остановившись на корпоративной стоянке, забитой новенькими весьма не бедными авто как нашего, так и не нашего производства, Крячко окинул взглядом строение ЛГГ, которое могло бы вместить в себя даже средних масштабов институт, например, некий, гипотетический ИКДЭ (институт континентальной демографической экономики).

Проходная лаборатории оказалась весьма современного формата с видеокамерами и экранами мониторов у рабочего места здешнего секьюрити. Когда Крячко шагнул в туннель коридора, ведущего в недра здания, первое, что ему бросилось в глаза, – портрет в траурной рамке представительного гражданина преклонных лет, с размещенным рядом некрологом, написанным черной тушью крупными буквами. Под портретом на тумбочке стоял большой поминальный венок, обвитый черными лентами с надписью: «Дорогому и всеми любимому Семигорову Святославу Дмитриевичу от безмерно скорбящих сотрудников ЛГГ».

Вахтер в синей униформе, с черной повязкой на рукаве, назвавшийся Виталием, узнав, кто и по какому поводу прибыл в их лабораторию, с грустными нотками в голосе уточнил, с кем именно визитер желал бы встретиться.

– Народу у нас числится изрядно – человек триста, не меньше, – пояснил он. – Хоть сегодня и траур, но все в работе. Тут у нас постоянно – кто-то куда-то уезжает, кто-то при-

езжает... Поэтому есть смысл заранее предупредить тех, с кем вы планируете побеседовать, чтобы они ждали вас и куда-либо не срывались.

Согласившись, что это предложение вполне толковое и дельное, Крячко уведомил собеседника, что хотел бы поговорить с представителями официального «ближнего круга» Семигорова из числа руководящего состава лаборатории, а также с теми, кто так или иначе был близок к покойному в неофициальном порядке. Немного подумав, вахтер перечислил тех, кто, по его мнению, мог бы рассказать что-то значимое о своем патроне. В первую очередь это был первый зам усопшего, замы по научной работе, финансам и хозяйственной части. Кроме того, были названы руководители всех трех основных подразделений лаборатории.

Из числа тех, с кем Семигоров был в товарищеских или дружеских отношениях, собеседник Стаса назвал старшую лаборантку отдела биохимического анализа Веронику Урядьеву. Кроме того, в это число входили СНС (старший научный сотрудник) Савелий Мокроносов, который, по общему мнению сотрудников лаборатории, являлся любимым учеником Семигорова, а также МНС Андрей Морозилин, перспективный исследователь в области цитологии и тканевых структур живых организмов.

– Кстати, вон идет Морозилин! – указав взглядом в сторону приближающегося к проходной рослого парня в расстегнутом нараспашку белом халате, приглушив голос, сообщил Виталий. – Видимо, куда-то собрался по делам.

Подойдя к турникету, Морозилин небрежно обронил:

– Я в киоск, за сигаретами...

Кивнув, вахтер нажал на какую-то кнопку, и лопасть турникета пропустила МНС в тамбур проходной. Когда его неожиданно окликнул широкоплечий крепыш в потертой кожаной ветровке, сотрудник ЛГГ нехотя оглянулся.

– Доброе утро! Вы младший научный сотрудник Морозилин? Оперуполномоченный Главного управления угрозыска полковник Крячко. Мы могли бы с вами побеседовать? – несмотря на свой суровый вид, визитер изъяснялся вполне интеллигентно.

Оторопело взглянув на представителя сыскного ведомства, МНС неопределенно пожал плечами.

– Э-э-э... В принципе – да, могли бы, – он в знак согласия кивнул. – Но мне сейчас для восстановления своего внутреннего психологического гомеостаза край как не хватает свежей порции никотина. Вы позволите, я добежу до киоска и через минуту буду готов к беседе любого формата, даже с пристрастием?

– Добро, восстанавливайте свой гомеостаз... – великодушно разрешил Стас, выходя следом за Морозилиным на улицу.

Когда к нему, облегченно вдыхая сигаретный дым, через минуту вернулся МНС, Крячко, положив ногу на ногу, сидел на лавочке в сени раскидистой липы. Тоже опустившись на лавочку, Морозилин приятельски протянул Станиславу только что открытую пачку сигарет. Вздохнув, тот развел руками.

– Бросил... – пояснил Стас. – Поддался нажиму своего лучшего друга, которого завязать с табаком заставила жена... Так вот, я хотел бы, чтобы вы рассказали мне о последних днях жизни академика Семигорова. Насколько мне стало известно, вы знали его очень хорошо. Мы пытаемся выяснить, была ли его кончина следствием проблем со здоровьем естественного порядка или кто-то злонамеренно отнял у него жизнь. Что думаете по этому поводу?

В очередной раз пыхнув сигаретой, МНС с грустным видом покачал головой.

– Что думаю? – переспросил он. – Прежде всего то, что наша наука в его лице потеряла настоящего гения. Что наша лаборатория, скорее всего, в скором времени может прекратить свое существование. Она целиком и полностью держалась на прорывных разработках Святослава Дмитриевича. Он был кладезем идей. Seriously! Он один стоил целого института. Я не берусь преувеличивать, но он один из тех, кто обеспечивал биологическую безопасность

всей страны. Поэтому... Да, согласно заключению врачей, смерть наступила из-за обширного инфаркта миокарда, вызванного предположительно естественным старением организма и какой-то внезапной стрессовой ситуацией. Но у меня на этот счет есть немало сомнений.

– Сомнений? То есть что-то в официальном заключении вам показалось не заслуживающим доверия? – Крячко вопросительно взглянул на своего собеседника.

– Да! – уверенно подтвердил тот. – Действительно, Святославу Дмитриевичу было уже за восемьдесят. Но его биологический возраст был намного ниже. Ему внешне трудно было бы дать даже лет шестьдесят. Он был в прекрасной физической форме, обладал здравым, живым умом. Все были уверены, что и в сто лет он продолжит свою научную работу. И вдруг – инфаркт... С чего бы вдруг?! Он ежегодно проходил диспансеризацию для пожилых, и всякий раз его здоровье признавалось крепким и стабильным. Сердце работало как хороший хронометр. И вот – инфаркт... Бред какой-то!

– А кто, на ваш взгляд, мог быть заинтересован в смерти Семигорова? – последовал очередной вопрос сыщика.

– Трудно сказать... – Морозилин пожал плечами. – Конечно, узнав о том, что Семигорова больше нет, не одна «забугорная» спецслужба будет радостно хлопать в ладоши. Ведь если бы не Святослав Дмитриевич и такие же, как и он, умы, нам давно бы уже устроили биологический апокалипсис. Не случайно же в рамках «гибридной войны» вдоль наших границ понастроили всевозможных гадючников под маркой противозидемических лабораторий? Вот... Нет, я не страдаю шпиономанией. Я всего лишь рассуждаю логически. Можно, конечно, заподозрить каких-то недоброжелателей и завистников из нашей научной среды. Такие тоже есть. Но и тут имеются всевозможные «про» и «контра». Так что однозначного ответа на ваш вопрос дать не берусь. Ну а что касается событий последних дней жизни Святослава Дмитриевича, то перечислять их придется долго.

Как рассказал далее собеседник Станислава, последняя неделя жизни ученого оказалась весьма насыщенной. Он побывал минимум на трех научных конференциях, дал несколько интервью различным изданиям – как научным, так и общественно-политическим, провел два совещания в стенах своей лаборатории, ответил на уйму звонков и писем как российских, так и иностранных коллег.

– ...Так что я бы не рискнул предполагать, где именно и кто конкретно, когда и каким способом нанес удар Святославу Дмитриевичу, – огорченно сказал Морозилин.

Попросив его набросать список тех, кто мог бы по каким-то причинам желать зла Семигорову, Крячко отправился беседовать с прочими сотрудниками ЛГТ, кто располагал значимой информацией о своем покойном руководителе, прежде всего о том, кому и чем он мог оказаться «неудобным» человеком.

...В это же самое время Лев Гуров дотошно расспрашивал родственников академика Семигорова, уточняя, выясняя, устанавливая те или иные факты из его как нынешней, так и прошлой биографии – по убеждению Гурова, корни немалого числа жизненных коллизий очень многих людей в настоящем не так уж и редко кроются в их прошлом. И излишне бурное прошлое всегда, в самый неподходящий момент, может послать свое не менее громкое «эхо» в будущее.

Семигоровы проживали в элитном поселке с характерным для научной среды названием Фотон, где обитали преимущественно сотрудники разных НИИ, профессора и академики. Разыскав на улице Ломоносова весьма не бедного вида двухэтажный особняк, своей архитектурой отдаленно напоминающий знаменитый Нотр-Дам-де-Пари, Лев через домофон сообщил о своем прибытии откликнувшейся на его вызов хозяйке дома. Когда он вошел в богато обставленную гостиную, то увидел там уже ожидавших его близких покойного, которых он попросил собраться, когда созванивался с вдовой академика.

Хозяйка дома, представившаяся как Инна Романовна, – молодая особа приятной внешности, годами под пятьдесят, одетая в черное траурное платье, представив Льва собравшимся, бегло познакомила и его самого с теми, кто нашел время и возможность встретиться с представителем главка угрозыска. Кроме их общих с Семигоровым сына и дочери, которым на вид было немногим более двадцати, присутствовали и два сына академика от его первого брака. Это были уже зрелые мужчины лет за сорок. Здесь также присутствовали двоюродный брат академика – удрученного вида крупный мужчина под семьдесят лет, и родная сестра брата – подвижная старушка под восемьдесят.

Начиная разговор, Гуров попросил собравшихся быть предельно откровенными, поскольку в этом, безусловно, очень непростом деле о внезапной кончине ученого, главную роль могла сыграть внешне даже второстепенная как будто совершенно малозначащая деталь. Предварительно уведомив своих собеседников о том, что каких-либо версий происшедшего он пока не строил, Лев попросил высказаться хозяйку дома.

Вздыхнув, та произнесла несколько слов о том, сколь тяжким ударом для всей их семьи стал внезапный уход из жизни ее супруга, который был во всех отношениях выдающимся человеком. Он был не только действительным членом Российской АН, но и почетным членом нескольких иностранных академий, в том числе и европейских. По словам Инны, в их доме не такими уж и редкими гостями бывали и российские, и иностранные ученые. Семигоров вел обширную переписку со своими коллегами по всему миру. Его книги читали в самых разных частях света – от США до Новой Зеландии и от Великобритании до Японии. Будь он американцем или, например, французом, он уже давно мог бы стать обладателем Нобелевской премии. Но этому всячески препятствовало антироссийское лобби в Нобелевском комитете, где «главной скрипкой» были не ученые, а всевозможные политики.

– Но Святослав Дмитриевич никогда не переживал из-за этого, – Инна отрицательно качнула головой. – Все эти звания, титулы, премии, награды он рассматривал как мишуру, не достойную внимания. Для него главным всегда и во всем была наука. Но я так понимаю, сыщика не могут не интересовать внутрисемейные взаимоотношения? Могу сказать однозначно: великим Святослав Дмитриевич был во всем. И как ученый, и как человек, и как семьянин. Всех своих детей он воспитал настоящими людьми, которым чужды корысть, зависть, лень... Впрочем, как мне кажется, решающую роль в воспитании детей сыграла его наследственность. Он обладал колоссальной энергетикой, которая передалась и его детям...

– Отец вообще всегда был человеком-загадкой, – неожиданно вклинился в разговор один из старших сыновей, представленный Инной как Константин. – Прежде всего для всех, в том числе и для нас загадка – само его появление на свет. Официально он – сирота. Его случайно нашли трехлетним в пустынной местности проезжавшие там рыбаки. Это случилось более восьмидесяти лет назад, где-то неподалеку от Нижнего. Рыбаков очень удивило, что мальш, сидящий на бугорке недалеко от Волги, не плачет и не зовет на помощь. Они отвезли его в ближайшее село, в поликлинику. Потом его определили в детский дом, откуда его в скором времени забрала и воспитала бездетная пара, наши бабушка и дедушка.

– Ну а что же загадочного в самом его появлении? – любопытно спросил Гуров.

– Дело в том, что так и не удалось установить, кто его биологические родители, из каких он мест, – ответил Михаил, второй из братьев, – и почему он все время молчит. Нам об этом рассказали бабушка и дедушка. По выражению лица мальчика, названного Святославом, было видно, что он прекрасно понимает сказанное окружающими. Но сам он почему-то молчал и молчал. Лишь год спустя вдруг заговорил. И не как-то там, коверкая слова, спотыкаясь... Нет! Он заговорил очень правильно.

– А приемные родители его показывали врачам? – затронутая тема вдруг очень заинтересовала Льва.

– Да, конечно, – энергично кивнув, снова заговорил Константин. – Врачи были поражены его здоровьем. Кто-то из медиков даже предложил использовать его как эталон детского здоровья. Даже придумал единицу измерения – «один святослав». Так вот, все прочие дети, даже самые здоровые, по его мнению, имели уровень здоровья всего на пол-«святослава». Мы с Мишей, да и Аня с Денисом, во многом унаследовали его здоровье. К сожалению, не на целый «святослав», а примерно на две трети. Но тем не менее...

– Опережая ваше повествование, берусь предположить, что и в школе, и в вузе Святослав Дмитриевич удивлял всех своими успехами в учебе. Я прав? – Гуров испытующе взглянул на своих собеседников.

– Абсолютно! – изобразил рукой утвердительный жест Михаил. – Он обладал феноменальной памятью, мог в уме умножать и делить огромные числа, мне иногда казалось, что он может даже читать мои мысли.

– Да, это же самое частенько ощущал и я, – согласился Константин. – Я его всегда любил и сейчас продолжаю любить как своего отца, как прекрасного человека, но он и для меня остался чем-то непостижимым. Он всегда был не от мира сего.

– Ну, не хотите же вы сказать, что он уроженец какой-то другой планеты? – Лев хлопнул себя ладонями по коленкам.

– Не-ет, что вы! – Михаил грустно усмехнулся. – Правда, наша с Костей мама, ныне покойная Тамара Васильевна, когда чем-то бывала недовольна, всегда ворчала: «Ты пришелец, Свят, ты – инопланетчик!» Отец обычно над этим смеялся и парировал: «Если бы я был пришелец, то у нас не было бы детей!» Она его постоянно ревновала. Нет, не к женщинам, тем более что он всегда был образцовым семьянином. Она ревновала его к той тайне, которая его окружала. Она и погибла именно потому, что принципиально не желала слушать его советов. В тот день, когда случилось то ДТП, отец уговаривал ее никуда не ходить и не ездить. Он предчувствовал беду. Но она, как бы в пику ему, сделала все наоборот. Когда нам сообщили, что она на своей «Самаре» попала под большегрузный автомобиль, он был потрясен. Мы даже опасались, что он с горя захочет уйти из жизни.

– Да, он лет пятнадцать после этого не мог пережить потери супруги... – Константин покачал головой. – Лишь встреча с Инной Романовной вновь вернула ему радость жизни. Правда, ему было уже за шестьдесят, но...

– Кто бы дал ему «за шестьдесят»? – вздохнув, проронила Инна. – На него студентки-то всегда заглядывались и пытались завязать с ним романы. Даже когда Святославу Дмитриевичу миновало восемьдесят. Если бы не его, я бы так назвала, железобетонные моральные устои, которые поколебать было невозможно, Святослав мог бы стать супердонжуаном. Но он был слишком интеллигентен и порядочен, чтобы скатиться до чего-то такого, «зоологического». Мы с ним встретились случайно. У меня сломалась машина, и он остановился, чтобы мне помочь. В ту пору я была замужем за известным тогда футболистом. Жили мы не бедно, деньги он зарабатывал огромные. А вот детей у нас не было – сказалась травма паха, полученная им когда-то на тренировке. И тут – такой невероятный мужчина. Я влюбилась сразу, без оглядки. Он ко мне тоже не остался равнодушен. И всего через неделю после первой встречи мы решили пожениться. Через год у нас родился Денис, а потом и Аня. Что хотела бы отметить, Костя и Миша меня сразу же приняли как свою, как члена семьи. Аню и Дениса они изначально считали братом и сестрой. И это, я уверена, все пришло от Святослава Дмитриевича, это его генетическая наследственность.

Немного помолчав, без какого-либо подтекста Гуров негромко, как бы про себя, резюмировал:

– Мда-а-а... Суммируя все, только что услышанное, вынужден констатировать, что в лице Святослава Дмитриевича наш мир посетил настоящий святой, скорее всего, спустив-

шийся с небес. Ну а откуда еще мог бы появиться такой феноменальный человек? Сложно даже предположить, кто он был на самом деле и откуда мог прийти в наш мир...

– Лев Иванович, – неожиданно заговорила Аня, – если позволите, то и я хотела бы рассказать нечто не совсем обычное. Об этом, думаю, не знает даже наша мама, не знают и все мои братья.

Удивленно взглянув на дочь, Инна озадаченно спросила:

– Анечка, ты знаешь что-то такое, чего не знаем все мы? Невероятно! Ну, рассказывай. Я уже заинтригована!

Пояснив Гурову, что она учится в МГУ на психолога, Аня рассказала об одном из своих разговоров с отцом. Как-то раз они обсуждали только что прочитанную Аней книгу известного зарубежного специалиста в области психологии. Как значилось в предисловии, автор книги был мистиком, специализировавшимся на астрологии и нумерологии, гипнологом, практиковавшим ретрогипноз, а еще специалистом по раджа-йоге, имевшим высшее посвящение. К удивлению Ани, выслушав ее «блицрецензию» на прочитанное, Святослав Дмитриевич неожиданно сказал о том, что все эти необычные способности зарубежного гуру в далеком будущем станут обыденностью для любого человека. По его словам, нынешнее человечество в душе все еще так и не смогло выйти из своих темных пещер, и только отдельные его представители могут считаться людьми, достойными того блистательного будущего, о котором так мечтали лучшие мыслители всех времен.

– ...Видишь ли, дочка, – сказал тогда Святослав Дмитриевич и печально улыбнулся, – человечество слишком далеко продвинулось в разработке технических средств для промышленного производства, коммуникаций, ведения войны и тому подобного. Оно уже шагнуло в космос, но при этом в моральном плане осталось все тем же первобытным охотником, вооруженным дубиной и каменным топором. Людям еще много придется поменять в себе, чтобы в прошлое ушли войны, болезни, злоба, зависть. Лишь тогда мы сможем приблизиться к Творцу... Если бы ты только могла знать, что нас ждет в не самом далеком будущем!..

Сказав это, он словно спохватился и тут же перевел разговор на другую тему. Рассказав об этом, Аня добавила:

– В то время у меня в голове еще гулял ветер, я только еще поступила в МГУ и поэтому сказанному им не придавала особого значения. И вот только сейчас до меня начало доходить, что наш папа, скорее всего, приоткрыл мне завесу тайны своего появления. Теперь я почти уверена, что он к нам попал ОТТУДА. Из тех далеких веков, которые еще не наступили...

– Аня, как ты считаешь, а почему именно тебе папа рассказал то, что мы сейчас услышали от тебя? Почему не мне, не Мише, не Косте, не Денису? – о чем-то напряженно думая, спросила Инна.

Девушка на этот вопрос лишь развела руками.

– Мама, как будущий психолог его признание мне я могу объяснить тем, что в некоторых семьях отцы с дочерьми имеют более тесный душевный контакт, чем с другими членами семьи. Скорее всего, это обусловлено подсознательным пониманием отцов того, что именно дочь в дальнейшем даст его биологическое продолжение – родит внуков. И поэтому именно ей он стремится передать информацию, которая способна повысить ее шансы на выживание в этом опасном мире. Вот как-то так...

Переглянувшись, Михаил и Константин несколько вразнобой пожали плечами.

– Версия, конечно, интересная, – произнес Михаил, изобразив неопределенный жест руками. – Но-о... Слишком уж фантастическая! Как физик-ядерщик я в курсе, что существуют всякие и разные феномены, которые трудно объяснить с позиций современной науки. Но все они тем не менее имеют естественно-научное объяснение. Я наслышан о парадоксах квантовой физики. Но даже для квантовой физики перенос материального – заметим, живого! – тела из

будущего в прошлое – это уж слишком. Извини, Аня! Но ты, сестренка, может быть, просто что-то неправильно поняла?

Почесав кончик носа, Константин сцепил меж собой пальцы рук и задумчиво обронил:

– Боюсь, эту загадку нам не разгадать никогда... Я, конечно, во многом согласен с Мишей. Думаю, батя просто из тех, кого сегодня называют детьми-индиго. Хотя, как геолог, я тоже иногда сталкивался с явлениями весьма загадочными и необъяснимыми. Лет десять назад мы работали в средней Сибири. Обследовали одно горное ущелье, где предположительно могло быть богатое месторождение редкоземельных элементов...

Как явствовало из дальнейшего повествования Константина, в один из дней их палаточный лагерь посетил местный шаман. Старик предупредил о том, что неподалеку от стоянки геологов – километрах в двух – есть одно очень опасное место, где время от времени бесследно исчезают люди. Называется оно Воротами Мохуру – злого демона, крадущего неосторожных путников. Самое опасное время, когда Мохуру становится, по сути, всемогущим – дни полнолуния. Уж тогда к Воротам не стоит приближаться и на пушечный выстрел.

Движимые любопытством, геологи тем же днем пошли посмотреть на этот загадочный артефакт. На каменистой равнине, покрытой валунами, они увидели, довольно ровную площадку, на которой высились два грубо обтесанных каменных столба. Между ними имелся проход не более метра шириной. И тут один из геологов, по своей натуре рьяный атеист, объявил, что сегодня же ночью он докажет, что сказанное шаманом – полный бред. Его отговаривали, однако он был непреклонен. И как раз на эту ночь выпало полнолуние...

Когда ближе к полуночи геологи пришли к Воротам Мохуру, то увидели там шамана, который пошел им навстречу, убеждая отказаться от попытки пройти через ворота.

– Не губите себя, не губите! – уговаривал он. – Мохуру уже ждет свою новую жертву.

Однако атеист, обойдя старика, направился к каменным столбам, чернеющим в лунном свете. Он решительно шагнул в проход и сразу же, оказавшись в тени, стал невидимым для наблюдавших за ним товарищей. Кто-то из них догадался включить фонарик и осветить атеисту вслед. Но его между столбами уже не было! Всполошившись не на шутку, геологи стали звать упряма, но тот не откликался. Услышав о намерении некоторых геологов пойти на поиски пропавшего без вести, шаман гневно воскликнул:

– Идите, идите, глупцы, прямо в пасть Мохуру! Он только что пожрал одного из вас! Он истекает слюной и ждет всех остальных!

Эта отповедь несколько остудила рвавшихся на поиски, и было решено вызвать спасателей. Но отчего-то вдруг исчезла связь с Большой землей. Лишь утром, с восходом солнца, по спутниковой связи удалось дозвониться до спасателей. Те прибыли, но, как и следовало ожидать, никого не нашли. Атеист пропал бесследно. Было возбуждено уголовное дело. Приехала следственная группа. Она долго разбиралась и в конце концов вынесла вердикт: в условиях плохой видимости потерпевший стал жертвой медведя-людоеда, который промышлял в долине. Руководитель группы геологов проявил халатность и безответственность, не принял мер к тому, чтобы не допустить подобного развития событий.

– «Следаки» всех «собак» повесили на медведя-людоеда, которого там не было и в помине. А куда делся тот бедолага – так никто и не узнал... – завершил свой рассказ Константин.

– И-и-и... Куда же он, этот атеист, по-твоему, на самом деле мог запропасться? – Михаил изобразил рукой вопросительный жест. – Уж не хочешь ли ты сказать, что его забросило в эти самые «иные измерения»?!

– А кто его знает, Миша! – утрированно-размашисто изобразив такой же жест, грустно ответил Константин. – Я всего лишь хотел сказать о том, что этот мир мы познали слишком мало, чтобы иметь возможность категорично судить – что в нем возможно, а чего не бывает вообще.

Слушая эти разговоры, как-то незаметно вышедшие за границы основной темы визита Гурова, он тем не менее не стал возвращать их в прежнее русло. В данный момент его интересовала моральная обстановка в этой семье. Ему хотелось убедиться: что члены семьи не едят друг друга поедом, будучи готовыми на любую подлость, на любое злодейство. Но, насколько он мог судить по своим ощущениям, в этом доме какой-либо негатив не присутствовал. Здесь были нормальные человеческие взаимоотношения и искренняя доброжелательность. Да, здесь никто не бил себя в грудь, не посыпал голову пеплом, не содрогался в рыданиях по умершему. Здесь царила тихая, светлая печаль о близком человеке, покинувшем этот мир. И это больше всего и подтверждало искренность чувств собравшихся. И Льву вдруг подумалось, что, скорее всего, эти чувства – одно из проявлений необычной, и нравственной, и генетической, наследственности Святослава Семигорова, человека-загадки.

Чем дальше продолжалось общение с Семигоровыми, тем отчетливее Лев понимал, что если просуммировать свои впечатления, а также логически проанализировать увиденное и услышанное, то можно сделать однозначный вывод: в этой семье «копать» бесполезно. Ни Инна, ни дети от обоих браков академика, ни их родственники устраивать ярую дележку его небедного наследства, с организацией всевозможных подстав, скандалов, мордобоя и прочей «веселухи», судя по всему, не настроены. А это означало, что поиски причин смерти Семигорова и ее возможных виновников следует вести за пределами этого дома, «копая» в каких-то других направлениях.

Когда разговор начал угасать, Гуров, воспользовавшись образовавшейся паузой, попросил рассказать в деталях обстоятельства наступления смерти академика. Кивнув в знак согласия в ответ и прерывисто вздохнув, Инна неспешно заговорила. По ее словам, несчастья ничто не предвещало ни вчера, ни даже в предыдущие дни. Святослав Дмитриевич приехал домой в седьмом часу. Он был несколько утомлен, но выглядел вполне бодрым. На предложение Инны поужинать ответил согласием, но сказал, что сегодняшней обед в столовой ЛГГ оказался очень сытным, и поэтому он хотел бы ограничиться легким, диетическим салатиком.

– Он остался в гостиной, включил телевизор, – говорила она. – Помню, показывали новости. Ну а я пошла на кухню. Предпочтения Святослава Дмитриевича я знала хорошо, поэтому салат приготовила за считанные минуты. Когда с подносом я вышла в гостиную, то увидела там такое, что мне показалось каким-то иррациональным кошмаром – Святослав Дмитриевич лежал вон на том диване навзничь, держась рукой за грудь... – голос Инны дрогнул и прервался. – Глаза его были закрыты, на лице застыла гримаса боли. Я бросилась к нему, спросила, что с ним, но в этот момент он потерял сознание. Я вызвала «Скорую». Врачи приехали быстро, но, к сожалению, помочь ничем не смогли. Святослав Дмитриевич в себя так и не пришел... – голос хозяйки дома снова прервался.

Немного помолчав и взяв себя в руки, Инна добавила:

– Я ни за что и никогда не поверю в то, что случившееся стало следствием пошатнувшегося здоровья Святослава Дмитриевича. Не поверю! Я уверена в том, что его убили – очень хитро, изощренно, подло...

– У вас на этот счет есть какие-то предположения? – осторожно уточнил Лев, выжидающе глядя на свою собеседницу.

– К сожалению, как у всякого таланта, у Святослава Дмитриевича хватало завистников, которые ему в лицо мило улыбались, а за спиной плели грязные интриги. Ненавидели его и те, кто служил «черному бизнесу» – той категории предпринимателей, чья деятельность наносит урон экологии и здоровью людей. Например, несколько лет назад он провел ряд исследований и доказал, что завозившееся в Россию разрекламированное в ту пору моющее средство провоцирует немалое число наследственных заболеваний. Что после этого началось! Кто только

на него не ополчился... Ему угрожали некие анонимы, его пытались подкупить, но он остался непоколебим и добился запрета на ввоз этого химиката.

– А что за химикат, не припомните? – снова уточнил Гуров.

– Ой, как его? Этот... «Феномен-люкс»! Помните, лет пять назад им были все хозмаги завалены? Официально его выпускала российская компания с таким же названием – «Феномен-люкс». Но на самом деле делали его в Европе. Когда Святослав Дмитриевич с данными своих исследований вышел на правительство, моющее средство в момент исчезло, фирма закрылась, как будто ее никогда и не было. И только года через два стало известно, что эта шарашка была создана для маскировки, а настоящий производитель моющего средства, принадлежащий ТНК «Глобалино-ворк», находится во Франции. Причем ее продукция предназначалась исключительно для России. Представляете?! И таких случаев было предостаточно. Так что тех, кто ненавидел Святослава Дмитриевича и желал ему зла, – очень много...

Выслушав Инну, Лев задал несколько уточняющих вопросов, на которые та ответила подробно, не упуская даже малозначащих деталей. По результатам состоявшейся беседы Гуров уже имел полное представление о случившемся с академиком и, в принципе, можно было бы уже закругляться. Но Гуров все же решил напоследок «прозондировать почву» по части родни: все ли в ее составе питали к Святославу Семигорову добрые чувства и все ли в данный момент исполнены скорби по усопшему? На его вопрос о представителях «клана» Семигоровых, которые могли бы питать к Святославу Дмитриевичу неприязнь, Лев вдруг услышал неожиданно утвердительный ответ. Двоюродный (по приемным родителям) брат академика, представленный Инной как Григорий Дорохухин, слегка встрепенувшись, издал тягостный вздох и горемычно произнес:

– Товарищ полковник, к моему великому сожалению, есть такая паршивая овца в нашем кругу, есть... Как ни прискорбно это констатировать, но таковой мелкой рогатой скотиной является мой собственный сын, Дорохухин Вадим. Нет, я не берусь утверждать, что это именно он какими-то своими действиями или своим бездействием стал причиной смерти Святослава. Но то, что моего сводного брата он терпеть не мог, это определено. И из-за чего?! Причина, по сути, идиотична и смехотворна. Пришел он как-то раз к Святославу клянчить на пол-литра, а у Свята – итальянская научная делегация. Представляете? Сидят большие ученые умы, толкуют про гены и хромосомы, и тут к ним заваливается какое-то пьяное рыло и начинает гундеть про деньги на «банку». На интеллигентную просьбу Святослава покинуть помещение Вадим ответил грубой матерщиной. Свята, будучи человеком физически крепким, вышвырнул его, как то и надлежало сделать. И вот, тем же днем вижу, Вадим для чего-то месит глину. Присмотрелся, а он, скотина, надумал состряпать куклу вуду, чтобы, как видно, извести Свята негритянским колдовством. Ну, я его так «отвудил» хорошей палкой, что он неделю не мог на заднице сидеть. Но, я так понял, Святослава ненавидеть он стал еще сильнее.

Григория поддержала и Анастасия, сводная сестра Святослава. Сокрушаясь, вздыхая, она поведала Гурову о том, что Вадим совсем уже «как с цепи сорвался». Даже у самых близких может что-то украсть, кого-то беспричинно обхамить и даже побить (понятное дело, тех, кто слабее его).

– Он меня уже раза два обкрадывал и бил, – призналась она. – Я уже давно говорю Грише: уж скорее бы его посадили! Может, посидит на нарах, хоть немного поумнеет – будет знать, как безобразничать и что за это бывает!

На вопрос Льва Григорию: как же такое могло случиться, что своего сына он не смог воспитать приличным человеком, ответила Анастасия:

– Лев Иванович, без толку ждать от вербы груш, как ее ни поливай, как за ней ни ухаживай! Верба – вербой и останется. Виноват тут, конечно, сам Григорий, когда женился на Зинке Колымцевой. Все ему тогда говорили: женишься – наплачешься! Вся их порода такая – то по тюрьмам, то по колониям мыкаются. У Зинки два брата, оба из тюрьмы не вылезают. И отец

их сидел, и дед... У них и фамилия-то не с потолка взята – Колымцевы. Вадька с малолетства отброс отбросом рос. Красть начал еще в школе. У кого ручку стырит, у кого – часы, у кого – телефон. А кого и просто так поколотит. Гришка ремня давал ему частенько. Только не сделаешь из черта пономаря.

Понура выслушав монолог своей двоюродной сестры, Григорий огорченно добавил:

– Уже сил нет этого обормота исправлять. Иной раз грешным делом думаешь: да лучше бы его убили! И слезинки не уронил бы! У меня еще один сын есть – Олег. Так он с Вадькой – как небо и земля. Олег сам в этот... Как его? В колледж поступил на электромеханика. Потом Святослав ему посодействовал, технический университет он окончил. О, голова! Сейчас инженером в крупной компании состоит. Совсем другой человек! А этот... – он безнадежно махнул рукой.

Выслушав Анастасию и Григория, Гуров некоторое время размышлял, после чего, чуть пожав плечами, задумчиво произнес:

– Ну, я, конечно, на заметку Вадима возьму и дам вашему райотделу хорошую встряску, чтобы следили за порядком получше. Похоже, слишком уж в райотделе расслабились, грубо говоря, мышей ловить перестали. Думаю, призвать этого бездельника к порядку труда не составит. А вот что касается его причастности к смерти академика Семигорова, то тут вопрос пока остается открытым. Если даже Святослав Дмитриевич умер по причине какого-то вредоносного воздействия, оказанного на него неким злонамеренным лицом, то пока еще не установлено, каким именно могло быть это воздействие. А еще есть такое понятие – алиби. Если у Вадима есть надежное алиби, то... То тогда никаких претензий по части смерти Семигорова ему мы предъявить не сможем.

В гостиной на несколько мгновений повисла тишина. Но, быстро сориентировавшись в том, что сказал опер, Григорий тут же выдвинул предположение насчет все того же культа вуду:

– Лев Иванович! А какое может быть алиби, если Вадька просто через свою эту поганую вуду наслал на него порчу? А?

Даже закашлявшись от услышанного, Лев с недоуменным видом потряс головой.

– Хм... Григорий Александрович! В нашем УК нет такой статьи, как причинение смерти путем насылания порчи или проклятия. Нет! Да, если я что-то такое укажу в официальном документе, надо мной будет смеяться весь главк уголовного розыска. И даже если считать, что ритуалы культа вуду реально способны причинить кому-то вред, то откуда, скажите, Вадим мог бы набраться подобной, условно говоря, «премудрости»?

– Как это – «откуда»?! – Дорохухин даже всплеснул руками. – Он почти год состоял в секте одного приезжего негра... Как его... Билл Хамбарбуго. Помните, на краю Москвы, в Махалине, в заброшенных общагах лет десять назад обосновались негры-нелегалы? Об этом еще по городскому телевидению рассказывали. Вот! Там они такой криминал развели, что людям продыху не стало. Ну, их вроде бы малость к порядку призвали. Кого-то из России выставили, кто-то сам смылся в Евросоюз, а вот некоторые тут окопались. Сам этот Билл женился на какой-то москвичке. Как видно, своей вудой голову ей заморочил, она и пошла за него. И все! Как его теперь выгонишь? Вот он и организовал свою секту вуду. Ну а наших дураков околпачить – проще ж простого. Понабежало к нему – полным-полно. И мой Вадька среди них. Только если с других этот Билл хороших бабок нарубил, то Вадька сам негра обокрал. Билл пожаловался в полицию. Только Вадька открутился в два счета. Так его и не смогли привлечь к ответу.

– Пойдите, пойдите! – Гуров вскинул указательный палец. – Если это вуду такое всемогущее, то что же Билл не наслал на Вадима какую-нибудь африканскую порчу? Что же он побежал в полицию?

Похоже, этот вопрос очень сильно озадачил Григория. Недоуменно разведя руками, Дорохухин предположил:

– Так, если Вадька сам уже успел насобачиться на этой вуде, может, его она уже и не берет?

Пообещав в любом случае разобраться с Вадимом, Лев попросил в деталях описать последнюю неделю жизни Святослава Семигорова. Первой высказалась Инна. Она в деталях описала все то, что занимало ее супруга в минувшие дни – поездки, встречи, совещания, семейные события... По мнению вдовы, ни прошлую неделю, ни позапрошлую, ни даже ранее в жизни Святослава не случилось ничего такого, что могло бы каким-то образом морально его травмировать, а тем более убить.

– Святослав Дмитриевич каждое утро занимался энергичной зарядкой, – вспоминала она. – Принимал ледяной душ, а потом проводил сеанс психологического аутотренинга. Он минут на пятнадцать вводил себя в транс и как бы самопрограммировался на устойчивость к всевозможным болезням и стрессам. Что бы ни произошло, он никогда не терял присутствия духа. Вот поэтому-то меня поразило и даже шокировало случившееся с ним.

Михаил и Константин рассказали, что с отцом последнее время виделись не очень часто. Михаил навещал его неделю назад, а Костя и вовсе пересекался с ним не чаще двух раз в месяц. Созванивались существенно регулярнее. По словам братьев, чего-то такого, что могло бы показаться признаком неблагополучия в состоянии отца, они не замечали. Впрочем, Константин припомнил, что некоторое время назад (где-то в конце прошлого месяца) отец по возвращении из США, куда он ездил по научным делам, очень резко разговаривал по телефону с каким-то большим «тузом» из федеральной власти. В чем суть их конфликта, Костя так и не понял. Он осторожно поинтересовался у отца – не может ли чем-нибудь ему помочь? Но тот, лишь улыбнувшись в ответ, заверил, что все нормально, что свои проблемы он обязательно уладит сам.

– А вы не запомнили хоть каких-то обрывков фраз из того разговора? – поинтересовался Гуров.

– Ну, когда я подошел к отцу, разговор с тем типом он уже заканчивал... – Константин напряженно наморщил лоб, припоминая фрагмент того разговора. – Запомнилась фраза, брошенная отцом: «То, что вы собираетесь сделать, можно сравнить лишь с крупным терактом! Вы хоть понимаете, сколько проблем это может повлечь?» – после чего он отключил связь. О чем и с кем дискутировал отец – я не знаю. В принципе, чего-то экстраординарного в этом споре я не усмотрел. Батя часто вступал в дискуссии со своими оппонентами, а таких всегда было в достатке. Но скажу сразу: несмотря на какую бы то ни было остроту спора, он никак не мог вызвать очень сильного напряжения нервной системы, которое могло бы повлечь инфаркт миокарда, причем в самой тяжелой форме.

В этот момент запиликал телефон в кармане Гурова. Извинившись, он достал свой сотовый. Звонил судмедэксперт главка Дроздов. Своим чуть занудливым, суховатым голосом он сообщил, что произвел общее обследование тела академика, выполнил вскрытие внутренних полостей тела и органов, а также блицанализ тканевых жидкостей. Согласно результатам первичной судмедэкспертизы, все как будто вполне соответствует картине обычного инфаркта, вызванного каким-то сильным стрессом. Но это на первый взгляд вчерашнего студента, ставшего судмедэкспертом. А вот человек с большим запасом профессионального опыта не мог бы не заметить хоть и мелких, но не характерных деталей для подобной патологии сердца.

Прежде всего, исходя из своего многолетнего опыта, Дроздов сразу же заметил, что сердце покойного и близко не имеет тех возрастных патологических изменений, которые могли бы привести этот орган к подобной катастрофе. Во-вторых, спазм коронарных сосудов, которые перестали пропускать кровь к обширному участку сердечной мышцы, имел несколько иную картину, в отличие от той, какую Дроздов видел в сердце инфарктников уже не раз. И если нервная система, управляющая работой сердца, – узел Ашоффа-Тавара и пучок Гиса, никаких патологий не имели, то волокна Пуркинье, иннервирующие сосуды и мышечную ткань

пораженной части миокарда, имели какие-то странные изменения. Они больше всего напоминали «коротнувшие» провода в электронной схеме.

– Каких-либо ядов я пока не обнаружил, но есть ощущение, что данный случай инфаркта был искусственно спровоцирован какими-то боевыми токсинами, наподобие препаратов раувольфии, – все также предельно сухо сообщил Дроздов.

Поблагодарив эксперта за весьма ценную информацию, Лев пока что решил о факте возможного убийства академика на какое-то время умолчать. Почему? Следовало думать, что человек, в той или иной форме «угостивший» ядом ученого, скорее всего, не из каких-то «залетных» чужаков. Напротив, очень даже возможно, он из числа хорошо знакомых Семигорову. Поэтому если прямо сейчас факт убийства сделать всеобщим достоянием, то убийца, скорее всего, кинется прятать улики и заметать следы. Мало того, он может начать истреблять потенциальных свидетелей. То есть могут прерваться жизни еще каких-то людей, что никак недопустимо. Нет-нет, пусть тот, кто убил академика, насколько это возможно дольше будет пребывать в убеждении, что его гнусное дело навсегда осталось тайной за семью печатями и разоблачение ему абсолютно не угрожает.

– Что-то по работе? – сочувственно спросила Инна, когда он, закончив разговор, сунул телефон в карман.

– Да, наш судмедэксперт сообщил о результатах первичной экспертизы тела Святослава Дмитриевича. Ну, что сказать? Явных признаков того, что его смерть была насильственной, пока обнаружить не удалось. Поэтому на данный момент заключение таково: непосредственной причиной смерти стал обширный инфаркт миокарда неопределенной этиологии. Более точное заключение будет сделано по результатам углубленных исследований.

Его собеседники некоторое время хранили молчание, как видно, переваривая только что услышанное. Они испытывали разные чувства. Инна сомневалась в достоверности результатов экспертизы. Михаил и Константин явно были разочарованы. Семигоровы-младшие решили непременно добиваться повторной экспертизы. Григорий и Анастасия, как видно, не понявшие многого из того, что было сказано Гуровым, выжидая молчали. Судя по печально-обреченному выражению их лиц, они уже смирились с тем, что за смерть их обожаемого, знаменитого родственника никто не понесет ответственности.

– Иннусь, а когда будут похороны нашего Свята? – скорбно спросила Анастасия.

Та, несколько растерявшись, неуверенно двинула плечами.

– Ну-у-у... Думаю, что когда полиция закончит все свои процедуры, когда судмедэксперты дадут окончательное заключение... – ответила она, вопросительно взглянув на Льва.

– Да, – Гуров кивнул. – Скорее всего, учитывая то, сколь известным и значимым человеком был Святослав Дмитриевич, исследования причин его смерти продлятся еще несколько дней.

Кивнув в знак согласия, Инна быстрым движением смахнула с уголка глаза непрошеную слезу. Неожиданно молчание нарушил Денис:

– Лев Иванович, я тут кое-что припомнил! Как-то мы разговаривали с папой... Это было около года назад. Говорили с ним о разном. И вдруг он сказал: «Знаешь, Денис, вечно жить нам не дано. Не случайно древние говорили: мemento мори – помни о смерти. Я не знаю, сколько мне отвела судьба, но о своем конце помню. Так вот, когда меня не станет, я не хотел бы, чтобы это дало повод к плачу и унынию. Они меня не оживят, а надирать свою душу горем – штука самоубийственная. И еще о делах похоронных. Знаешь, Денис, меня всегда корбило от обычая целовать покойника перед погребением. Да, кто-то испытывает искреннюю любовь к тому, кто покинул этот мир. А кто-то всего лишь лицедействует, испытывая в душе отторжение. Зачем такие внутренние жертвы? Поэтому мое твердое и однозначное желание будет таким: никаких поцелуев, никаких лобзаний. Моя нетленная душа в этот момент будет где-то очень далеко. Какой смысл разыгрывать бурю скорбных чувств у материальной оболочки,

обреченной обратиться в прах?» Что я хочу сказать? Видимо, отец еще тогда предчувствовал вероятность того, что он уйдет раньше, чем ему было предназначено... Знаете, Лев Иванович, я всем своим существом чувствую, что отца убили. Убили! И буду это доказывать, пока не докажу!

Одобрительно кивнув Денису, Гуров продолжил разговор. Он еще раз уточнил те или иные детали жизненных реалий, сопутствовавших Семигорову на работе и в быту, его характерные привычки и взаимоотношения с разными людьми. Закончив беседу с родственниками усопшего, уже ближе к обеду, он отбыл в Москву. По просьбе Льва Инна принесла ему ноутбук академика, сразу же предупредив, что хотя Семигоров особой скрытностью не отличался, многое из своих научных работ он доверял только ноутбуку. Вдова особо подчеркнула, что открыть компьютер и войти в его информационные недра посторонний сможет едва ли – академик установил весьма мощный и сложный пароль. И это было не случайно. Ученый знал, что многие его работы уже давно являются объектом промышленного и научного шпионажа со стороны всевозможных западных структур.

...Руля по шоссе, Гуров осмысливал только что услышанное от Семигоровых, всю эту пока не вполне неорганизованную, отчасти неупорядоченную, в чем-то даже хаотичную грудку информации, которую ему предстояло проанализировать, систематизировать, и на ее основе наметить те или иные направления поиска убийцы. Теперь он был уверен практически на все сто, что Семигоров стал жертвой неизвестных сил, которым академик чем-то сильно помешал. Но кому именно и конкретно чем?

Вот Константину довелось услышать обрывок разговора своего отца с какой-то «шишкой», возможно даже министерского уровня. И тот разговор, следует думать, эмоционально был очень напряженным. Семигоров открыто обвинил своего собеседника в том, что какие-то действия этого чинуши или действия связанных с ним структур чреватые чем-то чрезвычайно опасным. Причем не для кого-то одного, а, скорее всего, для очень многих людей. Не в этом ли кроется ответ на то, кто и почему мог захотеть смерти ученого?

Когда Лев ступил на порог проходной главка, Стаса еще не было. Первым делом, отдав ноутбук Семигорова в информотдел, Гуров поручил начальнику отдела майору Жаворонкову любой ценой взломать пароль, чтобы получить доступ к хранящимся в нем информационным материалам. Затем, подкрепившись в соседнем с «конторой» кафе, Гуров решил еще раз заглянуть в информационные просторы интернета. Включив свой компьютер и «забив» в поисковую систему все тот же запрос об академике Семигорове, на этот раз он увидел о нем куда более богатую россыпь репортажей, эссе и иных публикаций, чем это было совсем недавно.

Окинув взглядом длинный ряд статей, Лев обратил внимание на весьма пеструю тематическую разноголосицу предложенного компьютером. Если одни материалы имели заголовки сочувственно-эпические («Тяжелая утрата российской науки», «Из жизни ушел великий ученый» и т. д.), то некоторые другие выглядели хамовато-ерническими («Академика кокнули или помер сам?», «Одним пустоцветом меньше»).

Открыв один из материалов, озаглавленный «Кому выгодна смерть Семигорова», Гуров с сомнением отнесся к суждению автора о том, что в первую очередь в физическом устранении академика были заинтересованы некоторые его коллеги. Вроде того, некоторым ученым мужам не терпелось избавиться от Семигорова, чтобы поскорее занять его кресло. Другой материал под заголовком «Убийство Семигорова – шарада для пинкертонов» повествовал о том, что угрозыску едва ли удастся раскрыть истинные причины смерти ученого.

По мнению его автора, в смерти академика заинтересованы слишком многие, в том числе как российские, так и зарубежные его ненавистники. Поведал автор и о том, что может быть причиной крайней неприязни тех или иных людей (как коллег, так и не коллег) к покойному. Как оказалось, Семигоров несколько лет назад изобрел очень простой и эффективный способ проверки продуктов на наличие в них трансгенных компонентов. Фирмы и компании, без про-

блем завозившие в Россию свою ГМО-продукцию, понесли огромные убытки. Правда, чуть позже оппоненты ученого из числа академических «прилипал» сумели доказать (или сумели доказать в кавычках?) бесполезность его методики. Однако не все были согласны с этими оппонентами, и поэтому, пусть и негласно, но метод проверки продуктов Семигорова очень многие эксперты оставили в своем арсенале.

Прочитав публикацию до конца, Гуров по телефону внутренней связи связался с информ-отделом и поручил Жаворонкову собрать максимально подробное досье о жизни и научной деятельности академика, обо всех его научных работах, особенно о тех, которые, так или иначе, наносили урон интересам зарубежных корпораций. После этого он просмотрел некоторые злопыхательские сочинения по поводу кончины ученого. Автор опуса «Одним пустоцветом меньше», как Лев понял с первых же строк этого пасквиля, являл собой общеизвестного интернет-«тролля» – отможенного негодяя, который нацелен на оплевывание всего и вся. По мнению Хищного Зайца, как назвал себя «тролля», академик Семигоров на самом деле академиком никогда не был. Якобы даже диплом о высшем образовании он купил где-то «за углом». Все научные работы Семигорова Хищный Заяц назвал пусканием государственных денег на ветер. Пробежав глазами этот пасквиль до конца, Гуров сделал однозначный вывод: типичная «заказуха» негодяев, которым многие научные работы академика были костью в горле.

Впрочем, в комментариях к материалу преобладали столь же неприязненные интонации, адресованные уже самому автору. Некоторые из комментаторов, не стесняясь в выражениях (в том числе и непечатных), костерили как могли Хищного Зайца.

«Ты, гнида полоумная, отброс эволюции, тебе ли, козлу позорному, судить о великих людях? Святослав Дмитриевич был и остается гордостью российской и мировой науки. Я читал его работы и могу сказать одно: именно такие же, как и ты, ублюдки убили русского гения. Светлая ему память!» – написал комментатор под ником «Вагант». Участница дискуссии под ником «Снежана» была более лаконична, но не менее резка: «Ты – сволочь! Я тебя презираю!» Не менее жестко высказался и «Коля-55», пожелавший Хищному Зайцу пойти на корм крокодилам.

«Однако этому Хищному Зайцу не позавидуешь...» – мысленно рассудил Лев, просмотрев комментарии до конца. – Если исходить из того, что наши слова и мысли материальны, то он заполучил настоящий шквал негатива, который как минимум отнял у него какую-то часть жизни...»

Гурову вспомнилось, как один из его знакомых рассказывал о том, что никогда не выходит в интернет, не поставив между собой и монитором церковную свечу.

– Лев Иванович, – убеждал он, – интернет – это гигантская, всепланетная информационная помойка. Причем заразная. Да, на его сайтах есть и положительные, позитивные материалы. Но много и совершенно токсичного мусора, копясь в котором можно получить серьезное эмоциональное отравление. Поэтому лишняя энергетическая защита никогда не помешает!

Это верно! Лев вспомнил, что и он сам, не так уж и редко, после слишком уж «затяжного нырка» в те или иные сайты, чувствовал себя вымотанным и опустошенным...

Его размышления перебил Крячко, стремительно появившийся на пороге кабинета. Выглядел он усталым и даже измученным. Но тем не менее на его лице присутствовала добродушная улыбка.

– Как успехи? – спросил он, плюхнувшись на свое место, сопроводив вопрос шумным вздохом.

– Как в Гондурасе: там, кто не шуки, те – караси, – высказался Гуров. – Пообщался с семьей Семигорова, узнал немало интересного.

Лев вкратце рассказал о своем визите в Фотон, а также о звонке Дроздова. Выслушав его, Крячко задумчиво резюмировал:

– То есть можно уверенно считать факт убийства академика доказанным... Если честно, то в глубине души я все же в большей степени был уверен в том, что он умер сам. Ну-у-у... Что поделаешь? Будем искать его погубителя!

По словам Станислава, в ЛГГ, кроме Морозилина, за минувшие несколько часов он успел пообщаться примерно с полутора десятками человек самого разного ранга. Первый, с кем он встретился, был замдиректора лаборатории Кернов. По мнению Станислава, мужик он вроде бы правильный. Не изображая фальшивую скорбь, зам Семигорова рассказал об основных направлениях работы лаборатории. Выслушав его, Крячко убедился: «контора» и в самом деле серьезная и занимается решением крупномасштабных, можно даже сказать, глобальных проблем биологической безопасности страны. О том, как руководство ЛГГ планирует работать дальше, уже без своего общепризнанного, бессменного руководителя, Кернов ответить затруднился. Он сказал лишь о том, что без Семигорова, без этого живого «клондайка» идей, теорий, всевозможных разработок и изобретений, работать будет невероятно трудно.

Говоря о том, кто мог бы желать смерти академику, Кернов особо подчеркнул, что на Западе его и уважали, и боялись. Боялись в том плане, что он был способен в момент найти достойный, эффективный ответ на любую их разработку, способную нести угрозу нашей стране.

– Ни для кого же не секрет, – заявил он, – что начиная еще с середины сороковых и по настоящее время мы в состоянии тайной, необъявленной биологической войны с Западом. И одним из тех, кто не единожды нейтрализовал агрессивные выпады наших, как это сейчас называют, «партнеров», был Святослав Дмитриевич. Его уже не раз пытались переманить, подкупить. Но это было невозможно. И тогда, вполне вероятно, что они решили его убить. Правда, тут есть некоторые нюансы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.